

## ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ МЕЖВОЗРАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Микляева А.В.

*ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», Санкт-Петербург, Россия (191186, Санкт-Петербург, наб.р. Мойки, 48), e-mail: humanpsy@gmail.com*

В статье обосновано положение о том, что основной характеристикой личности как субъекта межвозрастных отношений является возрастная идентичность. На основе результатов эмпирического исследования показано, что возрастная идентичность личности является значимым компонентом социальной идентичности личности на протяжении ее жизненного пути и в зависимости от степени соответствия/несоответствия хронологического возраста субъекта возрастной группе-объекту идентификации может носить нормативный или парадоксальный характер. Показано, что для испытуемых – представителей возрастных групп, в которых парадоксальная возрастная идентичность имеет наибольшее распространение, характерны более низкие показатели благополучия в сфере возрастной идентичности, чем в случае нормативной возрастной идентичности. Это дает основания рассматривать парадоксальную возрастную идентичность личности в качестве формы проявления кризиса социальной идентичности в ее возрастном аспекте.

Ключевые слова: личность, межвозрастные отношения, возрастная идентичность.

## THE PERSON AS THE SUBJECT OF AN INTERAGE RELATIONS: A SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Miklyaeva A.V.

*Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, 191186, Saint-Petersburg, n.r. Moyka, 48, e-mail: humanpsy@yandex.ru*

In the article the authors assert that the primary characteristic of a person as a subject of interage relations is the age identity. Based on the results of empirical research of shows that age identity of the individual is a significant component of social identity of personality throughout her life path, and depending on the degree correspond/uncorrespond chronological age of the subject age group-object identification may be regulatory or paradoxical characteristic. Respondents with paradoxical age identity has the largest distribution is characterized by a lower indicators of well-being in the sphere of age identity than in the case of normative age identity. This fact gives grounds to consider the paradoxical age identity of a personality as a form of the crisis of social identity in its age aspect.

Key words: personality, an interage relations, age identity.

### Введение

В современных гуманитарных науках в последние десятилетия существенно возрастает интерес к проблематике межвозрастных отношений – отношений между людьми как представителями тех или иных возрастных групп. Этот интерес обусловлен необходимостью изучения эффектов трансформации возрастной структуры современного общества, проявляющейся в постарении населения, росте социального расслоения между возрастными группами, усилении проявлений возрастной дискриминации и т.д. Всплеск интереса к проблематике межвозрастных отношений фиксируется, прежде всего, в философии, социологии, антропологии, филологии, психологии, в которых на сегодняшний день предложены различные теоретико-методологические подходы к исследованию межвозрастной проблематики, учитывающие тот факт, что возраст выступает значимым регулятором отношений между людьми в повседневной практике их взаимодействия.

Научное поле психологических исследований межвозрастной проблематики находится в области социальной психологии, которая традиционно рассматривает отношения между людьми во всех их проявлениях как особый предмет исследования. Сложившийся в современной социальной психологии подход к изучению феномена отношений [3; 6; 7] диктует необходимость рассматривать его на разных уровнях анализа (уровнях общественных, межгрупповых и межличностных отношений), в соответствии с тем субъектом отношений, который попадает в фокус внимания исследователя (общество, социальная группа или личность). Это требование применимо и к анализу межвозрастных отношений, субъектами которых могут выступать возрастнo-стратифицированное общество, возрастные группы, личности как представители тех или иных возрастных групп. В данной статье предпринята попытка социально-психологической характеристики личности как субъекта межвозрастных отношений.

Анализ литературы показывает, что для современной психологии личности характерно рассматривать возрастные признаки человека как социального субъекта в контексте проблемы психологического времени личности.

Исходной точкой подобных рассуждений является представление о неоднородности психологического времени. С одной стороны, оно может рассматриваться как объективное измерение жизненного пути, не зависящее от личности [2]. С другой стороны, в психологической литературе предлагается трактовка психологического времени как отражения в сознании человека временных отношений между отдельными событиями его жизненного пути. Именно второй подход лежит в основе наиболее распространенной трактовки психологического возраста как внутреннего переживания человека, отражающего меру субъективной реализованности личностью психологического времени в биографическом масштабе [5] и составляющего важнейший аспект временного модуса Я-концепции личности [4]. К основным характеристикам психологического возраста исследователи относят его субъективный характер, а также обратимость и многомерность, проявляющиеся в возможных несовпадениях субъективных оценок собственного психологического возраста в различных сферах жизни [5].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, что является основанием для формирования у человека того или иного психологического возраста. Как указывает Т.Н. Березина, мерой психологического возраста чаще всего выступают события, соотносимые с социальными представлениями о нормативных этапах жизненного пути, причем эти события могут иметь как биографически-формальный, так и личностно-значимый характер [1]. К аналогичным выводам пришли в результате исследований Е.А. Головаха и А.А. Кроник, на примере семейных и свободных испытуемых показавшие взаимосвязь психологического возраста

личности с закономерностями трансформации социально-временных отношений в ее жизнедеятельности [1].

На основании этих результатов для характеристики личности как носителя возраста весьма актуальным становится понятие возрастных часов (ageclock), предложенное В. Neugarten, – внутреннего временного графика возрастного развития человека, который задает возрастные нормативы реализации ключевых жизненных событий. Ключевые жизненные события, в свою очередь, задаются системой социальных представлений, выступающих в качестве возрастно-ролевых ожиданий [8].

В процессе интерпретации человеком своего возраста посредством возрастных социальных конструктов формируется возрастная идентичность личности. В наших предыдущих работах было показано, что возрастная идентичность представляет собой компонент социальной идентичности личности и может рассматриваться как результат отождествления человеком себя с определенной возрастной группой с принятием норм поведения данной группы в качестве в большей или меньшей степени регулирующих собственное поведение.

Процесс формирования возрастной идентичности отличается от становления многих других аспектов социальной идентичности. Если во многих других случаях человек, как правило, имеет основания идентифицироваться с какой-то одной социальной группой (например, гендерной или этнической) и впоследствии лишь переосмысливать содержание своих идентификаций, то возрастная идентичность в процессе жизненного пути претерпевает коренные изменения, связанные с переходом от одного этапа жизненного пути к другому. В этом процессе человеку приходится формировать идентификации с новыми социальными группами («подростки», «взрослые», «пожилые»), отказываясь от старых. При этом человек часто не имеет более или менее однозначных оснований для причисления себя к той или иной возрастной группе, как это происходит, например, в тех общностях, в которых существуют обряды инициации. Это делает процессы возрастной идентификации затруднительными для личности, прежде всего, в моменты «кризиса возрастной идентичности», когда личность находится на этапе перехода от одной возрастной группы к другой, формирования новой возрастной идентичности.

### **Цель исследования**

В соответствии с обозначенной выше проблемой нами был проведен ряд исследований, целью которых явилось изучение особенностей возрастной идентичности человека на различных этапах жизненного пути.

### **Методы исследования и выборка**

В качестве основных методов исследования использовались методика «Кто Я?» Куна и МакПортланда, а также Опросник «Структура социальной идентичности», разработанный

нами в соавторстве с И.С. Завалишевым. Выборку составили 305 испытуемых в возрасте от 7 до 76 лет, жители Санкт-Петербурга (из них 115 детей, 56 подростков, 71 взрослый и 63 пожилых человека).

### **Результаты исследования и их обсуждение**

Полученные с помощью методики «Кто Я?» данные позволяют утверждать, что возрастная идентичность формируется в детстве и сохраняет значимость на протяжении всех этапов жизненного пути человека (см. таблицу 1):

*Таблица 1*

*Доля возрастных ролей в самоописаниях испытуемых*

Выборка	Доля возрастных ролей (% от общего количества самоописаний)
1. Дети	4,56 %
2. Подростки	6,38 %
3. Взрослые	0,69 %
4. Пожилые	4,98 %

Приведенные в таблице показывают, что возрастные идентификации актуальны в структуре социальной идентичности в детстве (4,56 % от общего количества самоописаний) и особенно подростковом возрасте (6,38 %), в период взрослости их значимость существенно снижается (0,69 %) и вновь возрастает в пожилом возрасте (4,98 %). При этом значимость возрастных ролей в структуре самоописаний остается стабильной в различных условиях социального становления личности. В частности, устойчивая значимость возрастных ролей в структуре самоописаний показана в наших предыдущих исследованиях на материале выборок детей и подростков, воспитывающихся в условиях детского дома, а также выборки взрослых людей, дети которых употребляют психоактивные вещества. Было установлено, что несмотря на сужение спектра социальных идентификаций в этих ситуациях возрастная идентичность, наряду с гендерной, не теряет своей активности для испытуемых.

На следующем этапе исследования актуальная возрастная идентичность испытуемых сопоставлялась с их хронологическим возрастом. Оказалось, что хронологический возраст не всегда совпадает с той возрастной ролью, которую приписывает себе человек. Ярче всего эти несовпадения проявляются в выборках пожилых людей (21,7 %) и подростков (18,8 %), чуть в меньшей степени выражены в группе детей (14,9 %) и практически не представлены среди взрослых (2,3 %).

Эти данные во многом соответствуют результатам, полученным зарубежными социальными психологами, которые показали, что наибольшие трудности в процессе иденти-

кации со своей возрастной группой испытывают пожилые люди как возрастная группа, обладающая самым низким социальным статусом и не имеющая возможности попасть в наиболее высокостатусную возрастную группу [9]. Наиболее популярное объяснение этому факту предложено в рамках теории поддержания самооценки, которая предполагает, что интрагрупповое сравнение с высоким эталоном может вести к отклонению соответствующей категоризации, потому что разделенная категоризация делает более значимой и угрозу несоответствия.

Пожилые люди, чья возрастная идентификация не совпадает с паспортным возрастом, в подавляющем большинстве случаев идентифицируют себя с группой взрослых. Аналогичный эффект наблюдается и в выборке подростков: в более чем 85 % случаев несовпадения возрастной роли и хронологического возраста подростки также причисляют себя к взрослым людям. Этот факт также совпадает с зарубежными результатами социально-психологических исследований, которые традиционно объясняются с позиции теории социальной идентичности: идентификация с возрастными группами, имеющими более высокий социальный статус, основана на естественном для человека стремлении принадлежать к положительно оцениваемым социальным группам. Подобное смещение возрастной идентичности в сторону высокостатусной возрастной группы (группы взрослых людей) часто не осознается [10], выступая тем самым своеобразным защитным механизмом, «буфером» в процессе принятия негативных возрастных атрибуций. В некоторых случаях, однако, эта стратегия может осознаваться, и в ее рамках человек осознанно выстраивает свой образ жизни в соответствии с аскриптивным образом «взрослого».

Интересно, что даже в группе детей, которая традиционно рассматривается как группа с высоким статусом, доля несоответствий между паспортным возрастом и возрастной идентичностью довольно высока, и опять же преимущественно в пользу группы взрослых (более 75 %). Этот факт, как и описанные выше, наглядно иллюстрирует явление «взросничества» (adultism), которое активно обсуждается в зарубежной социологии и социальной психологии в последние десятилетия и обозначает предрасположение к взрослым в противовес детям, молодежи и пожилым людям, к которым не относятся как ко взрослым [8]. Группа взрослых обладает самым высоким социальным статусом, в силу чего достигнуть (или сохранить) членство в ней стремятся как молодые, так и пожилые люди. Это наглядно иллюстрирует и практически единодушная идентификация взрослых испытуемых с возрастной группой взрослых.

На основании полученных результатов мы предположили, что можно говорить о существовании разных типов возрастной идентичности: нормативной и парадоксальной. Нормативная возрастная идентичность характеризуется соответствием хронологического воз-

раста возрастной группе-объекту идентификации. Для парадоксальной возрастной идентичности, напротив, характерно несоответствие хронологического возраста и возрастной группы, с которой идентифицирует себя человек.

Оценка модальности возрастной идентичности, проведенная с использованием «Опросника структуры социальной идентичности», показала, что представители всех возрастных групп, для которых характерна парадоксальная возрастная идентичность, демонстрируют более низкие показатели благополучия в сфере возрастной идентичности, чем испытуемые с нормативной идентичностью (см. таблицу 2).

Таблица 2

*Характеристики возрастной идентичности у представителей разных возрастных групп*

Выборки	Доля испытуемых с различными типами возрастной идентичности в разных возрастных группах (результаты сопоставления приписываемых себе возрастных ролей и хронологического возраста испытуемых)		Среднее значение показателя благополучия в сфере возрастной идентичности (Опросник «Структура социальной идентичности»)*	
	Нормативная	Парадоксальная	Нормативная	Парадоксальная
дети	85,1%	14,9 %	-	-
подростки	81,2 %	18,8 %	35,65	32,16**
взрослые	97,7 %	2,3 %	37,16	34,02**
пожилые	79,3 %	21,7 %	34,89	34,41

\* Выборка детей не принимала участие в этом этапе исследования в силу возрастных ограничений опросника «Структура социальной идентичности».

\*\*различия достоверны (U-критерий Манна-Уитни,  $0,05 < \alpha < 0,01$ ).

Это наглядно проявляется, в частности, на материале выборок подростков и взрослых, в которых показатели благополучия в сфере возрастной идентичности достоверно выше у тех испытуемых, для которых характерна нормативная возрастная идентичность (в сравнении с испытуемыми с парадоксальной возрастной идентичностью). На уровне тенденции обозначенная закономерность проявилась и в выборке пожилых людей.

Полученные результаты дают основания рассматривать парадоксальную возрастную идентичность как форму проявления кризиса социальной идентичности в ее возрастном аспекте, а также предполагать, что возрастные представления, стереотипы установки, составляющие ее содержание, могут различаться у людей с разными типами возрастной идентичности. Это предположение, однако, требует дополнительной эмпирической проверки.

**Выводы**

1. Возраст человека становится регулятором отношений между ним и другими людьми благодаря актуализации его возрастной идентичности.
2. Возрастная идентичность представляет собой компонент социальной идентичности личности, результат отождествления человеком себя с определенной возрастной группой с принятием норм поведения данной группы в качестве в большей или меньшей степени регулирующих собственное поведение.
3. Процесс формирования возрастной идентичности личности отличается от становления других аспектов социальной идентичности вследствие проницаемости границ возрастных групп, с которыми идентифицирует себя человек, что создает предпосылки для возникновения «кризиса возрастной идентичности», прежде всего на этапах перехода человека из одной возрастной группы в другую.
4. Возрастная идентичность формируется в детстве и в целом сохраняет значимость на протяжении всех этапов жизненного пути человека. Наибольшая актуальность возрастных идентификаций характерна для детей, подростков и пожилых людей, в период взрослости ее значимость снижается.
5. Между актуальными возрастными идентификациями и реальным хронологическим возрастом человека могут наблюдаться несовпадения, что особенно характерно для испытуемых-подростков и пожилых людей, чуть в меньшей степени – детей. При этом в случае несовпадения актуальной возрастной идентификации и хронологического возраста человек в подавляющем большинстве случаев склонен идентифицироваться с возрастной группой взрослых как группой, имеющей самый благоприятный социальный статус (наиболее высокостатусной группой).
6. На основе полученных результатов сформулирована эмпирическая типология возрастной идентичности, включающая нормативную и парадоксальную возрастную идентичности. Нормативная возрастная идентичность характеризуется соответствием хронологического возраста возрастной группе-объекту идентификации, парадоксальная – несоответствием между ними.
7. Для испытуемых-представителей возрастных групп, в которых парадоксальная возрастная идентичность имеет наибольшее распространение, характерны более низкие показатели благополучия в сфере возрастной идентичности, чем в случае нормативной возрастной идентичности, что дает основания рассматривать парадоксальную возрастную идентичность личности в качестве формы проявления кризиса социальной идентичности в ее возрастном аспекте.

#### **Список литературы**

1. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
2. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: В 2 т. – Т.1 / Б.Г. Ананьев. – М.: Педагогика, 1980. – 336 с.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект-пресс, 2008. – 363 с.
4. Белинская Е. П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 140-147.
5. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. – М.: Смысл, 2008. – 267 с.
6. Панферов В.Н. Психология человеческих отношений. Избранное. – СПб.: Изд-во ИПП, 2009. – 497 с.
7. Позняков В. П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал. – 2012. – № 5. – С. 5-15.
8. De Martelaer K., De Knop P., Theeboom M., Van Heddegem L. The UN Convention As a Elaborating rights of Children In Sport // Journal of leisurability. – 2000. – Vol. 27. – No. 2, pp. 3-10.
9. Garstka T.A., Schmitt M.T. How young and older adults differ in their responses to perceived age discrimination // Psychology and Aging. – 2004. – Vol. 19. – No. 2, pp. 326–335.
10. Hummert M. L., Garstka T. A., O'Brien L. T., Greenwald A.G., Mellott D. S. Using the Implicit Association Test to Measure Age Differences in Implicit Social Cognitions // Psychology and Aging. – 2002. – Vol. 17. – No. 3, pp. 482–495.

**Рецензенты:**

Куницына В.Н., д.псих.н., профессор, профессор кафедры социальной психологии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург.

Ситников В.Л., д.псих.н., профессор, заведующий кафедрой прикладной психологии ФБГОУ ВПО «Петербургский государственный университет путей сообщения», г. Санкт-Петербург.